

ПАМЯТЬ ВОСТОКА

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Старая истинка: люди, борющиеся за свободу, должны видеть друг друга, это делает их сильнее. Если требовалось доказательство этой истины, то его явил минувший партъезд. В высшей степени поучительно объять сознанием слово делегатов, страны которых сражаются за свободу. В этих речах понимание сущего: как ни различны условия, в которых борются народы, действенные марксовы законы борьбы. Важно и осознание того, что для мира, сражающегося за свободу, вечен пример Октября. Можно сказать, что никогда со времен нашей революции волна мировой свободы не была так сильна, как ныне; никогда пример Советской страны так не сплакивал, не собирая бойцов за свободу, как это имеет место теперь. В высшей степени важно не только то, что кодексом этих отношений с миром, сражающимся за свою независимость, были принципы Октября, но и то, как эти принципы Советской страной осуществлялись. Это тот самый пример, когда живая память помогает понять и наше страдание сегодня.

Страница воспоминаний: весной пятьдесят седьмого года с помощью китайских писателей я совершил путешествие по местам, связанным с жизнью знаменитого Лу Синя, выдающегося художника слова, друга СССР. Кроме Нанкина, Шанхая, Ханчжоу и Шаосина, мне довелось проникнуть (правда, дедовским способом — четырехвесельная лодка, идущая по древней системе каналов) на далёкий юг Китая, где прошло детство писателя. В ту пору были еще живы многие из современников Лу Синя, и их рассказы, записанные мною, воссоздали картины жизни писателя и его времени. И вот что характерно: в этих рассказах необыкновенно живы были двадцатые годы, подъем революционной волны на китайском юге, который рядовые китайцы связывали с именем Сунь Ятсена, великого демократа, друга Ленина и СССР.

Революционное пробуждение Китая и в нашем сознании связано в значительной мере с его именем. Нельзя отказать в чувстве политического реализма и прозорливости Сунь Ятсена, который считал, что с победой Октября и угнетенный Китай делает шаг вперед к своему освобождению. «Китайская революционная партия», — писал он Ленину, — выражает свое высокое почтение революционной партии вашей страны за ее тяжелую и несравненную борьбу и жаждет сплочения революционных партий Китая и России для совместного ведения борьбы». Групный политик, глубоко понимавший проблемы Востока, Сунь Ятсен с симпатией следил за деятельностью страны Октября, свидетельствуя свое восхищение, в частности, внешнеполитической деятельностью Советского государства.

Особенной интонацией отмечены письма Сунь Ятсена в Россию. В них — убежденность в необходимости тесного сотрудничества Китая и России. «Подобно Москве, — писал Сунь Ятсен Г. В. Чичерину, — я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня. С лучшими пожеланиями Вам и моему другу Ленину и всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы».

Нашествие Японии невиданно осложнило борьбу китайского народа за свободу. Если бы не помочь СССР, не известно, как долго бы продолжилось игра милитаристской Японии. В том, как народ воспрял в начале пятидесятых, какие масштабы обрело возрождение, сказался и факт обретенной свободы, и, конечно же, помощь северного друга. Кое-кто в Пекине пытается ныне заставить людей забыть об этом. «Быть смелым на словах легко, когда не сбираются говорить всей правды», — сказал Р. Тагор.

Правда истории не осталась книгой за семью печатями для выдающихся государственных

деятелей Индии. В 40-е годы великий сын индийского народа Джавахарлал Неру, брошенный колонизаторами в тюрьму, написал книгу «Открытие Индии». В ней он не только рассказал о прошлом, но и бросил мысленный взор в будущее. Неру говорил, что хотя он не марксист, но изучение теории Маркса и Ленина оказалось на него огромное влияние, помогло увидеть историю и современную жизнь в новом свете: «В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Практические достижения Советского Союза также производили чрезвычайно глубокое впечатление... Советская революция намного привнесла вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

В наши дни невольно вспоминаешь и такие вещи слова Неру: «Индия и Советский Союз — соседи, и, естественно, между ними должны существовать отношения добрососедства и дружбы ко взаимной выгоде наших обеих стран и народов. Я полагаю, что эта дружба благотворна и для решения важных задач, стоящих перед человечеством, и в особенности важнейшей из них — задачи сохранения всеобщего мира».

...Можно понять интерес, например, таджиков к культуре сопредельного Востока — в судьбах этих народов, как и в их интеллектуальном становлении, если говорить о прошлом, много общего. Именно эта мысль пришла на ум, когда однажды судьба свела меня с Мирзо Турсун-заде. Великолепный поэт, чье поэтическое творчество нерасторжимо связано с могучей таджикской классикой, он являл глубокое понимание духовных ценностей Востока, его философии, эстетики. В разумчивой и негромкой манере, которая была так свойственна поэту, Турсун-заде сказал мне тогда: «Восток с его многосложным кодексом верований и традиций западным политикам понять было трудно — то, что не по силам было им, по силам нам...»

Казалось, Турсун-заде говорил об Афганистане. И дело не в том, что беседа с поэтом предшествовала экскурсия в поэзию Афганистана — все сказанное всей своей сутью подводило разговор к афганской проблеме, как она виделась нам, начиная с лет революции.

Договор, подписанный в 1921 году нашей страной и Афганистаном, укреплял афганскую суверенность — именно так он был оценен сторонниками нашей дружбы. В послании В. И. Ленину Аманулла-хан отмечал, что заключение этого договораказалось возможным потому, что правительство Российской Советской Республики направило свои доброжелательные намерения и чувства на укрепление того положения, что каждый народ сам определяет свои государственные судьбы...

В звене государств, призвавших молодую Советскую Республику, Афганистан был одним из первых. Как ни далеко отстояли друг от друга наши страны в выборе путей развития, взаимопонимание было знаком их отношений. Действовал принцип, для нашей политики непреклонный: уважение суверенных прав соседней страны. Опираясь на этот принцип, СССР помог Афганистану сберечь независимость и на крутом повороте нынешней поры.

Нарком Чичерин, который по характеру своего образования и интересов был знатоком Запада, как известно, обладал серьезными познаниями и в

восточных делах. Понимая, сколь важны эти дела для революционной России, он считал возможным сосредоточить внимание своего единственного в ту пору заместителя Л. М. Карабаха на Востоке. Человек деятельности энергии, Карабах несомненно сделал для наших отношений с восточными странами. Он лично знал Сунь Ятсена и Амануллу-хана. Годы работы в Турции дали ему возможность познакомиться с еще одним видным деятелем тогдашнего Востока — я говорю об Ататюрке.

В нашем сознании Ататюрк и его деятельность отождествляются с важной порой отношений с Турцией, нашедшей свое выражение в известном договоре о дружбе и братстве. Известно, что двадцатые годы были не той порой в истории нашей страны, когда она располагала свободными средствами и ресурсами, чтобы помочь соседней стране, даже дружественной. Тем не менее такая помощь была оказана, при этом значительная. Стоит ли говорить, что эта помощь благотворно повлияла на становление турецкой суверенности в тот самый момент, когда турецкое государство наиболее в этом нуждалось.

Подлинным университетом явился Советский Союз для такой страны, как братская Монголия. Можно сказать, что известная встреча Ленина и Сухэ-Батора в ноябре 1921 года обозначила программу нашего сотрудничества на десятилетия вперед. Для Монголии оно было исключительно плодотворным. Как предсказал на этой встрече Владимир Ильин, новая Монголия пошла к социализму, минуя капиталистическую стадию развития — пример в мировой практике тогда уникальный и в высшей степени поучительный — теперь Монголия не единственная, кто идет и пойдет по этому пути.

Совершенно очевидно, что XX век стал свидетелем явления неповторимого. Восток с его многовековой историей и во многом окаменевшими социальными формами вдруг пробудился невиданный, обратившись за поддержкой к стране Октября. Но вот вопрос: почему именно к ней? Наверное, потому, что последовательный интернационализм всегда был родной сестрой советской внешней политики.

«Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности, — отмечал Владимир Ильин. — Мы — международники, интернационалисты».

Итак, интернационализм, а значит, борьба против всех форм угнетения, что несомненно предполагает последовательную защиту суверенных прав народа. Именно как защитница суверенных прав народов, борющихся за свое освобождение, страна Октября заявила о себе с первых же дней своего существования. Несомненно, что исторический поворот, совершенный в нашем веке странами Востока к своему суверенитету, своей независимости, не был бы совершен так быстро, если бы не существовало страны Октября. Конечно же, Сухэ-Батор, Сунь Ятсен, Ататюрк были носителями разных, как сказали бы сегодня, моделей социального прогресса, но борьба за суверенное право родной земли, за независимость, против иностранного ига была той первозаповедью, которая объединила их всех.

Отношение к суверенным правам народов Востока — одна из тех важных проблем, по которым новый мир дал бой деспотии капитала. Очевидно, правы те, кто, исследуя явления, подобные закату британского влияния на Востоке, отмечают: если была сила, способная решающим образом стимулировать этот процесс, то это, конечно, Октябрьская революция с ее принципом от-

каза от неравноправных отношений, а следовательно, признания суверенных прав народа. Советская страна, отказавшись от привилегий в Иране, сделала весьма уязвимыми позиции британского капитала в этой стране. Именно уязвимыми: достаточно сказать, что советско-иранский договор, подписанный 26 февраля 1921 года, был первым равноправным договором, который подписал Иран в новое время.

Характерно, что тогдашнее британское правительство увидело в нашем договоре с Персией всего-навсего антибританскую акцию, не поняв главного: революционная Россия действовала в соответствии со своей революционной сутью и не могла поступить иначе. Британская политика тех лет своеобразно преломилась затем в том же Иране в политике американской. Не хочешь, да вспомнишь «Осень патриарха» Гарсия Маркеса: мир увидел сатрапию, сотворенную США. И не только увидел — понял. Взрыв негодования, объявивший Иран, сила сила взрыва показали: народ постиг и прозрел.

Знание законов общественного развития было не самой сильной стороной западной дипломатии — может, поэтому она оказалась последней, кому суждено было понять великие революционные события нашего века. Первые для западного мира попытки понять происшедшее в мире перемены принадлежат не столько знатокам практики дипломатической, сколько революционной. В блестательной речи на съезде народов Востока, произнесенной в Баку летом 1920 года, Джон Рид дал хрестоматийное для истории XX века определение роли Америки в борьбе со свободой нашего времени. Человек, прошедший по дорогам революционной Мексики, знаящий Вилью и Сапату, видевший своими глазами возвышение и трагический конец восстания, говорил о том, как Америка казнила революцию пеонов. Наверное, немалый смысл того, что произошло в XX веке на Востоке, заключается в том, что Америке, которой очень хотелось бы распять и революцию во Вьетнаме, это было уже не под силу — наш революционный век пробудил сознание масс, удесстерив их силы. Поистине бессмертен тут пример Вьетнама!

Стоит ли говорить, как внимательно современный Восток ко всему, что происходит у нас в стране, в частности, на землях, соседствующих с ним. Ни одно из крупных наших начинаний в Сибири, в Средней Азии или на Кавказе не было обойдено вниманием Востока. Когда мы говорим, что огни Нурека обращены и на просторы Азии, — это не метафора. Побывав в Нуреке и увидев необыкновенную гидроцентраль, я думал о ее мощи, о ее самой высокой плотине в мире, а оказалось, что это еще маяк нашей технической культуры. В сотрудничестве со страной Октября современный Восток обретал свою суверенность. Опираясь на дружбу с СССР, он хотел бы идти к своему техническому и социальному прогрессу.

Лу Синь, имя которого мы помянули в начале статьи, сказал: «Мечта — это не то, что существует, но и не то, чего не может быть. Это, как на земле — дороги нет, а пройдут люди, проложат дорогу». Говоря о том, что совершил Октябрь для осуществления суверенных прав Востока, есть смысл напомнить эту мудрую пропись Лу Синя. Со всей настойчивостью напомнить. Кстати и тем, кто предал эту истину забвению на отчей земле писателя.

Память истории — она не подвластна времени, в ней и опыт, и урок человека. Когда в современных государствах Востока обращаются к родственной своей суверенности, там думают, не могут не думать о том, что сделал для этой суверенности СССР. Для народов память истории, память нашего трудного века и в этом.

Савва ДАНГУЛОВ.